

Юный Гоголь.

Изъ воспоминаній Стороженко.

Умѣе «голыми руками» взять самую покорную, казалось бы, натуру — вотъ черта, которая отличаетъ Гоголя въ ряду прочихъ величайшихъ писателей.

И этимъ даромъ «ловца человѣковъ», который послѣ вылился во всей полнотѣ въ его безсмертныхъ твореніяхъ, Гоголь владѣлъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ, сочетавъ его съ другимъ даромъ — даромъ «игры».

О томъ, какъ рано и какъ ярко началъ сказываться этотъ «элементъ игры» въ жизни Гоголя, свидѣтельствуетъ одинъ эпизодъ, заимствованный изъ воспоминаній о Гоголѣ Стороженко, когда Гоголю не было еще и 14 лѣтъ. Эпизодъ этотъ приведенъ П. Щеголевымъ въ его недавно вышедшей книжкѣ «Историческіе этюды».

«Послѣ обѣда — начинается свой рассказъ Стороженко — кто-то дернулъ меня за фалдочку; оглянувшись, я увидѣлъ Гоголя. — Пойдемъ въ садъ — шепнулъ онъ и довольно скоро пошелъ въ диванную; я послѣдовалъ за нимъ и, пройдя нѣсколько комнатъ, мы вышли на террасу...»

— Знаете-ли, что сдѣлаемъ, — сказалъ Гоголь: — мы теперь свободны часа на три; пойдемъ въ лѣсъ.

— Пожалуй, — отвѣчала я: — но какъ мы переберемся черезъ рѣку?

— Вѣроятно, тамъ отыщемъ челнокъ, а, можетъ быть, и мостъ есть.

На основаніи принятой отъ поляковъ поговорки: «шляхтичъ на своемъ огородѣ равенъ воеводѣ», въ Малороссіи считается преступленіемъ нарушать спокойствіе владѣльца.

Но я былъ очень стоворчивъ и первый пошелъ черезъ чужой плетень. Внезапно наше появленіе произвело тревогу. Собаки лаяли, злобно кидаясь на насъ, куры съ крикомъ и кудахтаньемъ разбѣжались, и мы не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ увидѣли высокую, дебелую молодницу, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, который жевалъ пирожекъ съ вишнями и выпачкалъ себѣ лицо до ушей.

— Эй, вы, школяры! — закричала она: — что тутъ забыли? Убирайтесь, пока не досталось вамъ по шеямъ!

— Вотъ плочка! — сказалъ Гоголь и смѣло продолжалъ идти; я не отставалъ отъ него.

— Что-жъ, не слышите. — продолжала молодница, озлобляясь: — Оглохли. Вонъ, говорю, курохвизы, а не то пазону чоловіка (мужа), такъ онъ вамъ поги перебиваетъ, чтобъ въ другой разъ черезъ чужіе плетни не лазили!

— Постой, — сказалъ Гоголь: — я тебя еще не такъ рассержу!

— Что вамъ нужно?... Зачѣмъ пришли, проды? — грозно спросила молодница, остановившись въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ.

— Намъ сказали, — отвѣчалъ спокойно Гоголь: — что тутъ живетъ молодница, у которой дитина похожа на поросенка.

— Что такое? — воскликнула молодница съ недоумѣніемъ, поглядывая то на насъ, то на свое дѣтище.

— Да вотъ оно! — вскричалъ Гоголь, указывая на ребенка: — Какое сходство! Настоящій поросенокъ!

— Удивительно, чистѣйшій поросенокъ! — подхватилъ я, захохотавъ во все горло.

— Какъ, — моя дитина похожа на поросенка! — заревѣла молодница, блѣднѣя отъ злости: — Шибеники (достоинные висѣлицы, сорванцы), чтобъ вы не дождали завтрашняго дня, сто болячекъ вамъ!... Остапе! Остапе! закричала она, какъ будто ее рѣзали. — Скорѣй, Остапе!... — и кинулась навстрѣчу мужу, который, не спѣша, подходилъ къ намъ съ заступомъ въ рукахъ.

— Бей ихъ заступомъ! — вопила молодница, указывая на насъ: — Бей, говорю, шибениковъ! Знаешь-ли, что они говорятъ?

— Чего ты такъ раскудахталась? — спросилъ мужикъ, остановившись: — я думалъ, что съ тебя кожу сдираютъ.

— Послушай, Остапе, что эти богомерзкіе школяры, проды, выгадываютъ! — задыхаясь отъ злобы говорила молодница: — рассказываютъ, что наша дитина похожа на поросенка!

— Что-жъ, можетъ быть и правда, — отвѣчалъ мужикъ хладнокровно: — Это тебѣ за то, что ты меня кабаномъ называешь.

Нѣтъ словъ выразить бѣшенства молодницы. Она бранилась, плевалась, проклинала мужа, насъ и съ ругательствами, угрозами, отправилась въ хату. Не ожидая такой благополучной развязки, мы очень обрадовались, а Остапъ, понурившись, стоялъ, опершись на заступъ.

— Послушайте, паньчи, если вы увидите мою жену, не трогайте ее, не дразните, теперь и безъ того мнѣ будетъ съ нею возни на цѣлую недѣлю.

— Если мы увидимъ, — сказалъ Гоголь, улыбаясь: — то помиримся.

— Не скажите этого, нѣтъ; вы не знаете моей жизни: станете мириться — еще хуже разбѣсите!

Мы пошли по указанной Остапомъ дорожкѣ. Выйдя изъ двора, мы повернули направо и увидѣли жену Остапа, стоявшую возлѣ дверей хаты. Ребенка держала она на лѣвой рукѣ, а правая была вооружена толстой пал-

кой. Лицо ея было блѣдно, а изъ-подъ нахмуренныхъ бровей злобно сверкали черные глаза. Гоголь повернулся къ ней.

— Не трогайте ее, — сказалъ я. — Она еще вытянетъ васъ палкой.

— Не бойтесь, все кончится благополучно.

— Не подходи! — закричала молодница, замахиваясь палкой. — Ей-Богу, ударю!

— Бессовѣстная, Бога ты не боишься, — говорилъ Гоголь, подходя къ ней и не обращая вниманія на угрозы. — Ну, скажи на милость, какъ тебѣ не грѣхъ думать, что твоя дитина похожа на поросенка.

— Зачѣмъ же ты это говоришь?

— Шутюкъ не понимаешь, а еще хотѣла, чтобъ Остапъ заступомъ проломалъ намъ голову; вѣдь ты знаешь, кто это такой! — шепнулъ Гоголь, показывая на меня. — Это изъ суда чиновникъ, пріѣхалъ разыскивать недомылъ.

— Зачѣмъ же вы, какъ злодинъ (воръ) лазите по плетнямъ, да собакъ дразните.

— Ну, полно-же, не къ лицу такой красивой молодницѣ сердиться. Славный у тебя хлопчикъ, званый изъ него выйдетъ писарчужъ: когда вырастетъ, громада выберетъ его въ головы.

Гоголь погладилъ по головѣ ребенка, и я подошелъ и также поласкалъ дитя.

— Не выберутъ, — отвѣчала молодница, смягчаясь. — Мы бѣдимъ, а въ головы выбираютъ только богатыхъ.

— Ну такъ въ москаля возьмутъ.

— Боже сохрани!

— Эка важность! Въ унтера произведутъ, придетъ до тебя въ отпускъ въ крестахъ, такимъ молодцомъ, что все село будетъ снимать передъ нимъ шапки, а какъ пойдетъ по улицѣ, да брикнетъ шпорами, сабелькой, такъ дивчата будутъ глядѣть на него да облизываться. «Чей это, — спросить, — служивый»... Какъ тебя зовутъ...

— Мартой.

— Мартинъ, скажутъ, да и молодецъ-же какой, точно намалеваанный! А потомъ не придетъ уже, а пріѣдетъ къ тебѣ тройкой, въ кибиткѣ, офицеромъ, и всякаго богатства съ собой навезетъ и гостинцевъ.

— Что это вы выгадываете, — можно ли.

— А почему-же нѣтъ. Мало-ли теперь изъ унтеровъ выслуживаются въ офицеры!

— Да, конечно; вотъ Оксанинъ пятый годъ уже офицеромъ и Петровъ также, чуть-ли не городничимъ поставили его въ Лохвицу.

— Вотъ и твоего также поставятъ городничимъ въ Ромень. Тогда-то заальнешь! Въ какомъ будешь почетѣ, уваженіи, одѣвуть тебя, какъ пани.

— Полю вамъ выгадывать неподобное! — вскричала молодница, радостно захохотавъ. — Можно-ли человѣку дожить до такого счастья.

Тутъ Гоголь съ необыкновенной увлекатель-

ностью началъ описывать привольное ея житье въ Ромняхъ: какъ кварталные передъ нею будутъ расталкивать народъ, когда она войдетъ въ церковь, какъ купцы будутъ угощать ее и подносить варенуху на серебряномъ подносѣ, низко кланяясь и величая судариньей-матушкой; какъ во время армарки она будетъ ходить по лавкамъ и брать на выборъ, какъ изъ собственного сундука, разные товары бесплатно; какъ сынъ ея женится на богатой панночкѣ и тому подобное. Молодница слушала Гоголя съ напряженнымъ вниманіемъ, ловила каждое его слово. Глаза ея сияли радостно; щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Бѣдный мой Аверко, — восклицаетъ она, нѣжно прижимая дитя къ груди. — Смиются надъ нами, смиются!

Но Аверко не лгулъ къ груди матери, а пристально смотрѣлъ на Гоголя, какъ будто понималъ и такъ-же интересовался его разсказомъ, и когда онъ кончилъ, то Аверко какъ-бы въ награду подаль ему свой недоѣденный пирожокъ, сказавъ отрывнато: «на!»

— Видишь-ли, какой разумный и добрый, — сказалъ Гоголь. — Вотъ, что значитъ казакъ: еще да рукахъ, а уже разуміе своей матери, а ты еще умничаешь, да хочешь верховодить надъ мужемъ и серднась на него за то, что онъ намъ костей не переломалъ.

— Простите, паночку, — отвѣтила молодница, низко кланяясь. — Я не знала, что вы такіе добрые паньчи. Сказано: у баби волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Конечно, жена всегда глупѣе чоловіка и должна слушать и повиноваться ему — такъ и въ святомъ писаніи написано.

Остапъ показавъ изъ-за угла хаты и прервалъ рѣчь Марты.

— Третій годъ женатъ, — сказалъ онъ съ удивленіемъ, поглядывая на Гоголя. — И впервые пришлось услышать отъ жены разумное слово. Нѣтъ, паньчу, воля ваша, а вы что-то не простое, а шель сюда и боялся, чтобъ она вамъ носовъ не откусала, анъ, смотре, вы ее въ ягничку (овечку) обернули.

— Послушай, Остапе, — ласково оглоздалась Марта: — Послушай, что паньчъ рассказываетъ!

Но Остапъ, не слушая жены, съ удивленіемъ продолжалъ смотрѣть на Гоголя.

Не простое, ей-ей, не простое, — боржомалъ онъ: — просто чаровникъ (чародѣй!). Сматри, какія добрая и разумная стала, и святое писаніе знаетъ, какъ будто грамотная.

Я также раздѣлялъ мнѣніе Остапа; искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта еще невозможно было проникнуть въ сердце человѣческое до того, чтобъ играть имъ. Но Гоголь бессознательно, силою своего гения, постигалъ уже и ребенкомъ тайные изгибы человѣческаго сердца.»